

ИНСТИТУТ «УБИЙСТВО ПО НЕОСТОРОЖНОСТИ» В УКРАИНСКОЙ ПРАВОВОЙ ТРАДИЦИИ: ЮРИДИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Татьяна ПАКЛИНА,

адъюнкт кафедры юридической психологии
Национальной академии внутренних дел

Summary

The complex of theoretical and practical problems aimed at the establishment for homicide by misadventure is investigated in this article. Particularly, the history of the emergence and development of the legislation on crime by misadventure is considered from the time of formation of Kievan Rus to independence Ukraine.

Key words: homicide by misadventure, criminal responsibility, life of the man, self-confidence, negligence, punishment.

Аннотация

В статье исследуется комплекс проблем теоретического и практического характера, связанных с институтом «убийство по неосторожности». В частности, рассматривается вопрос возникновения и развития законодательства о преступлениях по неосторожности со времен становления Киевской Руси до момента обретения Украиной независимости.

Ключевые слова: убийство по неосторожности, уголовная ответственность, жизнь человека, преступная самонадеянность, преступная небрежность, наказание.

Постановка проблемы. Эскалация насилия вызывает в обществе обоснованную озабоченность, а совершение убийств – особый резонанс. Обычно стремление наживы, озлобленность, равнодушие составляют далеко не полный перечень причин, побуждающих человека посягнуть на жизнь другого, но порой имеет место и причинение смерти без выраженного мотива, что и дает основания квалифицировать его как убийство по неосторожности.

Количество осужденных за убийство по неосторожности, в отличие от убийств умышленных, сравнительно невелико. Изучение судебной практики свидетельствует о том, что около 30% судебных решений, касающихся преступлений против личности, связаны с проблемами в квалификации именно этих действий и ограничения их от других преступлений. Означенные проблемы определяют и весьма значительное количество судебных ошибок.

Несмотря на определенное внимание, уделяемое учеными-правоведами преступлениям против жизни и здоровья человека, особенности совершения некоторых видов убийств, в том числе убийства по неосторожности, остаются недостаточно исследованными.

Актуальность темы. Наука уголовного права традиционно придает теоретико-прикладному исследованию проблематики уголовно-правовой защиты жизни людей от преступных посягательств весьма существенную значимость. Многие теоретические положения уголовного права и право-

применительной деятельности в этой сфере обоснованы трудами таких ученых, как М.К. Анианц, Ю.М. Антонян, П. Бергерз, С.В. Векленко, Е.В. Георгиевский, П.С. Дагель, А.А. Жижиленко, А.А. Зимин, Н.И. Зубрицкий, А.Ф. Кистяковский, И.П. Лановенко, Ф.А. Лопушанский, Г.П. Новоселов, А.А. Пионтковский, М.Б. Свердлов, М.Д. Шаргородский и др.

Вместе с тем вопросам изучения института «убийство по неосторожности», связанным с его становлением и развитием, в частности, в контексте юридической психологии в украинской правовой традиции не уделялось должного внимания, чем и обусловлен выбор тематики и целевого содержания статьи.

Цель статьи – изучение комплекса проблем теоретического и практического характера, связанных с институтом «убийства по неосторожности».

Изложение основного материала исследования. Характеризуя развитие права в Украине, необходимо отметить, что после замены языческих понятий о преступлениях, в связи с введением христианства на Руси, первыми значимыми правовыми актами, в которых было запечатлено учение о вине и преступлении, стали Русская Правда, «Правда» Ярослава Мудрого, Правда Ярославичей и «Устав» Владимира Мономаха, основой для создания которых, по мнению большинства ученых, стало римское право.

Изучая становление и развитие «Законов Русских», М.Б. Свердлов

особо отмечал, что Закон Русский упоминается в договорах русско-византийских, сохранившихся в составе летописи «Повесть временных лет». В частности, в ст. 5 договоров 911 г. записано: «Аще ли ударить мечем или бьеть кацем либо сосудом, за то ударение или бьенье да вдасть литр 5 серебра по закону Русскому». Договор 944 г. повторяет статью в полном объеме [1, с. 8]. Иначе говоря, убийству как тяжкому преступлению уделялось достаточно пристальное внимание. Однако же весьма важная определенность понятия вины в означенных документах отсутствовала.

Изучение Русской Правды позволило А.А. Зимину констатировать, что первая статья краткой редакции «Древней Правды» (около 1016 г.) посвящена именно убийству, в частности ее диспозиция состоит из трех слов: «... убьет муж мужа ...» [2, с. 77].

В свою очередь, Е. В. Георгиевский подчеркивает, что последующая про странная редакция Русской Правды (не ранее 1125 г.), как и упомянутая выше краткая ее редакция, подразделялись на две части – Суд Ярослава Владимировича и Устав Владимира Всеволодовича. Сыновья Ярослава отменяют содержащуюся в статье Суда Ярослава Владимировича месть смертью за убийство, заменяя ее денежным выкупом: «... и отложиша убиение за голову, но кунами ся выкупать». Именно убийству в этом законодательном акте в той или иной степени посвящены статьи 1, 3–8, 11–17, 18–22 [3, с. 77].

Запись о совершении «душегубства» появляется в редакции «Судебника» 1497 г., где указано: «А побиются на полы в Пожега, или в душегубстве, или в разбое, или в татьбе, ино на убитых исцево доставит; да околничему на убитых полтина да доспех, а Дяком четверть, а неделшику полтина, да неделшику же вясчегу 4 алтыны. А сам убитой в казни и в реализации боярину и Дяком» [2, с. 416].

Решая вопрос о наличии института вины в указанных первоисточниках, Г.П. Новоселов указывает, что в части убийств законодательство данного периода, в первую очередь, ориентируется на скрытность или открытость лишения жизни, а не на преднамеренность или неосторожность. При этом считалось, что открытое убийство, совершенное в честной схватке, во время ссоры или на пиру, было менее общественно опасным, чем тайное лишение жизни, совершенное в худом деле [4, с. 29].

По нашему мнению, уместным является осторожный вывод, совершенный А.А. Зиминим относительно наличия разделения убийств на умышленные и неосторожные. Так, в ст. 6 Суда Ярослава Владимировича особо учитывался субъективный момент во время совершения преступления. В качестве состава преступления выделяется убийство на пиру или во время ссоры (сваде); законодатель также подчеркивает отличие этого преступления, совершенного открыто (явлено), от убийства во время разбоя. Трудно определить, в данном случае идет речь об умышленных или неосторожных убийствах, но последнее представляется достаточно вероятным [2, с. 141].

Следует отметить, что не только государство, но и церковь оказывали весьма значительное влияние на развитие и становление уголовного законодательства. Е.В. Георгиевский указывает, что реальная юрисдикция церкви по общим делам была значительно шире, чем та совокупность норм, закрепленных в уставах князей по делам церкви. Положениями ст. 29 краткой редакции Устава князя Ярослава, посвященной церковным судам, предусматривались различные виды убийства: случайные убийства во время свадебного обряда (свадебные бои), обряда кражи невесты дружками жениха и защиты ее друзьями семьи; убийства при проведении

различных турниров, [3, с. 104]. По нашему мнению, эти виды убийств достаточно тесно связаны с проведением языческих обрядов, и именно с целью их искоренения церкви того времени были предоставлены достаточно широкие права.

Иными словами, убийства делились на умышленные и неосторожные, однако понятие вины еще отсутствовало. Его появление наблюдается при распределении убийств, совершенных во время пира и разбоя. В первом случае убийство совершается по неосторожности, а во втором, как полагают некоторые ученые, преднамеренно.

Согласно «Уложению», принятому в 1649 г. Земский собором, осуществлено разграничение преступлений против жизни на умышленные и неумышленные убийства, а ответственность становится персонализированной: «... а кто, которую вину заслуживает, его и наказывать самого по его вине ...» [5, с. 55].

В дальнейшем при совершенствовании законодательства внимание уже было обращено и на эмоциональное отношение преступника к совершенному им правонарушению, что нашло свое отражение, по мнению С.В. Векленко, в том, что душевно-эмоциональное отношение преступника к совершенному деянию выражалось на этом этапе не через производные вины, а через «хитрость» намерений человека.

Вполне закономерное внимание законодателя к «хитроумным» действиям проявляется при выделении профессионального бандитизма и профессиональной преступности «лихих людей» в земско-губных реформах первой половины XVI в. В связи с этим, появилась необходимость четкого разграничения умышленных убийств, совершенных профессиональными бандами, от убийств небрежных, непреднамеренных. В актах земско-губного строения использовалось понятие «нехитрой», случайной смерти как антипод умышленного убийства [6, с. 14–20].

Достаточно значимому реформированию подверглось законодательство в период царствования Петра I. В воинском Артикуле 1715 г. выделялись убийства, совершенные умышленно и по неосторожности. Уже в тот период законодатель обращает внимание на степень случайности, на тонкое расхождение между неосторожными и

случайными преступлениями. Выделяя субъективную сторону преступления, законодатель, несомненно, учитывал принцип объективного отношения. Однако неосторожные действия нередко наказывались наравне с умышленными. Главным фактором вины для суда был именно результат действия, а не его мотив.

В связи с принятием «Свода законов» 1832 г. произошли некоторые изменения в уголовном законодательстве в сфере преступлений против благ частного лица. Впервые была принята попытка определить понятие «убийство», традиционно делимое на умышленное и неосторожное.

В разделе «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» 1845 г., посвященном преступлениям против жизни, здоровья, свободы, чести частных лиц, центральное место занимали преступления против жизни, которые отражены в двух главах: в первой главе предусматривалась ответственность за смертоубийство, а во второй – за самоубийство. Смертоубийства дифференцировались на простые, квалифицированные, привилегированные и совершенные по неосторожности. Очевидно, что в этом нормативно-правовом акте система норм об ответственности за посягательство на жизнь существенно отличалась от законодательства 1832 г.

Представляя характеристику «Уложения» 1845 г., Ф.А. Лопушанский и И.П. Лановенко отмечают, что неосторожность подлежала наказанию не по общим правилам, а только в виде исключения. Наказание за неосторожность предусматривалось в трех случаях: 1) когда по неосторожности причинен ущерб в виде смерти, пожара и прочее; 2) полицейская ложь, когда упущение каралось независимо от того, было оно умышленным или нет; 3) действия, которые заключались в невыполнении лицом возложенных на него обязанностей [7, с. 18].

Однако при назначении наказания, решающим оставался характер вины, цели и мотива преступления. В то же время ученые уже пытались решить вопрос о разграничении умышленных и неосторожных преступлений, определить субъективный момент неосторожной вины, который сводился к недостаточной «внимательности», «вдумчивости», «пониманию».

С принятием в 1885 г. новой редакции «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных», которая действовала до Октябрьского переворота 1917 г., состоялся довольно значимый шаг в развитии уголовного законодательства. В ст. 7 «Уложения» отмечалось: «Высказывания на словах или письменно, или другим действием, намерения совершить преступление является признаком умысла. К таким признакам относятся угроза, хвастовство и предложение совершить какое-либо зло» [8, с. 6].

Довольно хрупкое определение неосторожной вины было представлено в ст. 110 «Уложения», где указывалось, что суровость определенного в законе наказания за преступление, совершенное без умысла, увеличивается, когда тот, кто его совершил по своему званию или обстоятельствам, должен был действовать с особой осторожностью; эта суровость уменьшается, когда действия подсудимого по своей сути не противоречили закону, а вред от последствий не мог быть им легко предусмотрен. Каждое неосторожное деяние, которое послужило причиной нанесенного зла, оправдывалось обстоятельствами, по которым невозможно было ожидать и предполагать вредных последствий, а виновному в этой неосторожности делалось только приличное внушение на этот счет [8, с. 24–25].

Именно в доктрине русского уголовного права в XIX ст. постепенно утверждается позиция исключительно субъективного критерия преступности деяния. Сугубо субъективный момент неосторожной вины нередко сводился к абстрактному недостатку внимания, понимания [7, с. 19].

Создание «Уложения» 1885 г. является значительным прогрессивным событием, но тогдашний взгляд на определение неосторожной вины все еще был довольно нечетким, в связи с отсутствием размежевания между «самонадеянностью», «преступной халатностью» и «преступной самоуверенностью». Нередко к определению понятия неосторожности законодатель пытался подойти с точки зрения большей или меньшей вины, однако сам вопрос определения неосторожной вины, как и ее отделения от вины преднамеренной, оставался вне правового внимания, как и вопрос довольно мягкого наказания

за совершение хотя и неосторожного, но убийства.

Вместе с тем в «Уголовном уложении» 1903 г. преступное деяние уже считалось неосторожным не только тогда, когда виновный его не предвидел, хотя мог или должен был его предвидеть, но и тогда, когда предвидел наступление последствий, обуславливающих преступность этого деяния, но легкомысленно предполагал такое последствие предотвратить [9, с. 116].

Кроме того, тогдашнее законодательство уже стало различать несколько видов неосторожности, градация которой происходит от менее тяжкого деяния к более тяжкому, а именно: простую неосторожность, которая граничит со случаем; неосторожность общежитийскую, когда лишение жизни произошло от действий, не преступных самих по себе; неосторожное причинение смерти как деяние, которое само по себе запрещено уголовным законодательством [9, с. 116].

Ученые того времени обращали внимание на тот факт, что одной из главных причин неосторожной преступности было «пьянство». Рассматривая проблему связи пьянства и неосторожной преступности, А.Ф. Кистяковский отмечал, что опьянение уничтожает в субъекте как самосознание, так и правильное осознание внешнего мира, оно является видом сумасшествия [10, с. 414].

В свою очередь, П. Бергерз полагал, что во время употребления алкогольных напитков человек все больше и больше теряет возможность руководствоваться в своих действиях общественно принятыми правилами, потому в состоянии опьянения он легко становится добычей сиюминутных внушений и соблазнов [10, с. 69].

То есть изучение психологического аспекта осуществлялось в процессе познания и изучения учеными лица, которое совершало неосторожное преступление, находясь в состоянии алкогольного опьянения, что и придало импульс для дальнейшего, более углубленного изучения личности преступника как в целом, так и лица, совершившего преступление по неосторожности, в частности.

Однако в 1919 г. в Руководящих началах по уголовному праву РСФСР учение о вине и его нормы – умысел и неосторожность – были исключены.

В частности, в ст. 10 Руководящих начал тогдашний законодатель отмечал, что наказание не является возмездием за вину и не является искуплением вины, одновременно же институт вины нашел свое отражение в ст. 12 Руководящих начал при определении обстоятельств, влиявших на определение судом наказания, где указывалось, что деяние могло быть совершено по легкомыслию или небрежности [11, с. 414].

Последующие наиболее значительные изменения были осуществлены в 1922 г. В соответствии со ст. 11 первого Уголовного кодекса (далее – УК) 1922 г., наказанию подлежали действия, если лицо: а) действовало преднамеренно, то есть предусматривало последствия своего деяния и их желало или сознательно допускало их наступление; б) действовало неосторожно, то есть легкомысленно, в надежде предотвратить последствия своих действий или не предусматривало их, хотя и должно было их предвидеть [6, с. 18].

В то же время в УК РСФСР 1922 г. состоялось разграничение нескольких видов убийств, в том числе и двух видов убийств неосторожных.

Согласно ч. 1 ст. 147, за неосторожное убийство предусматривалось лишение свободы либо исправительные работы на срок до одного года, а ч. 2 ст. 147 – неосторожное убийство в результате нарушения правил безопасности влекло за собой наказание в виде лишения свободы на срок до трех лет. Кроме того, суд был вправе запретить осужденному навсегда или на определенном период заниматься той деятельностью, которая привела к смерти человека.

По мнению Н.И. Зубрицкого, в ч. 1 ст. 147 УК РСФСР 1922 г. предусмотрена ответственность за убийство по небрежности, если лицо не предвидело возможность причинения смерти потерпевшему, хотя могло и должно было предвидеть, а в ч. 2 ст. 147 УК РСФСР 1922 г. – за неосторожное убийство из-за преступной самоуверенности, когда лицо предвидело возможность наступления смерти потерпевшего в результате своего действия или бездействия, но легкомысленно рассчитывало на ее предупреждение [12, с. 522].

Наряду с этим в УК УССР 1927 г. убийство по неосторожности объединили с убийством при превышении пределов необходимой обороны

(ст. 139), что привело к определенной путанице. Кроме этого, были увеличены сроки наказания за совершение указанных преступлений до 3 лет лишения свободы, санкции ст. 139 также допускали наказание в форме исправительно-трудовых работ, но в дальнейшем возникла необходимость в увеличении наказания за совершенные преступления по неосторожности, так как их последствия в период Второй мировой войны стали более общественно опасными для значительного круга лиц.

Последующие изменения произошли в уголовном законодательстве – УК УССР 1960 г., действовавшем вплоть до 2001 г.

В частности, в соответствии со ст. 9 УК УССР 1960 г., преступление признается совершенным по неосторожности, если лицо, его совершившее, предвидело возможность наступления общественно опасных последствий своего действия или бездействия, но легкомысленно рассчитывало на их предотвращение либо не предвидело возможности наступления таких последствий, хотя должно было и могло их предвидеть [13, с. 80].

Кроме того, произошло разделение неосторожных преступлений на две группы: бытовые и профессиональные. Представляя характеристику бытовых неосторожных преступлений, П.С. Дагель дополнительно классифицировал их на две группы: а) вне сферы действия технических средств; б) в сфере действия технических средств [14, с. 12]. В дальнейшем неосторожные преступления также классифицировали согласно сфере деятельности, в которой они совершались.

Ответственность за совершение неосторожного убийства предусматривалась в ст. 98 УК УССР 1960 г., в соответствии с которой неосторожное убийство наказывалось лишением свободы на срок до трех лет или исправительными работами на срок до двух лет.

Необходимо отметить, что, несмотря на то что именно советский период придал достаточно мощный импульс развитию уголовного законодательства как науки, правоведы так и не смогли определиться с понятием как убийства в целом, так и убийства, совершенного по неосторожности, в частности, разделившись на два лагеря.

Так, согласно точке зрения Ю.М. Антоняна, под убийством понимается противоправное умышленное или неосторожное лишение жизни другого человека независимо от его возраста и состояния здоровья [15, с. 36]. В свою очередь, А.А. Пионтковский отмечал, что убийство есть противоправное умышленное или неосторожное лишение жизни человека [16, с. 21].

Выражая свое мнение относительно понятия убийства, М.К. Анианц указал, что противоправное, виновное лишение жизни – это убийство независимо от того, выражалась вина субъекта преступления в форме умысла или неосторожности [17, с. 16]. Согласно мнению А.А. Жижиленко, убийство определяется как лишение виновным жизни другого человека, замечая при этом, что убийство по Уголовному кодексу возможно как при наличии умысла, так и по неосторожности, при этом неосторожное убийство создает особый вид убийства [18, с. 6, 12].

Однако М.Д. Шаргородский по данному поводу высказывает противоположное мнение, отмечая, что под словом «убийца» в быту мы вовсе не имеем в виду человека, неосторожно лишившего кого-либо жизни, а с уголовно-политической точки зрения нецелесообразно применять понятие самого тяжкого преступления против личности к случаям неосторожного деяния [19, с. 38].

Несмотря на определенные достижения ученых дореволюционного периода в вопросе изучения убийств, совершенных по неосторожности, юристы советского периода, разрабатывая положения УК УССР 1960 г. о неосторожном убийстве, весьма не взвешенно отказались от квалифицированного состава неосторожного убийства, опрометчиво полагая, что неосторожная преступность является не столь опасной в сравнении с умышленной.

Выводы. Уголовно-правовые нормы об ответственности за убийство, совершенное по неосторожности, в законодательстве Украины формировались постепенно и появились гораздо позже, чем большинство норм, предусматривающих ответственность за другие виды общественно опасных посягательств. Анализ истории развития законодательства об ответственности за убийство по неосторожности выявил

ряд интересных законодательных решений, содержащихся в предыдущих актах по уголовному праву. В частности, в процессе развития уголовного права оценка социально обусловленной конкретной уголовно-правовой нормы начала формироваться по признаку психического отношения лица к совершенному им деянию, прежде всего в определении неосторожной вины, которая нашла свое отражение в небрежности и самоуверенности.

Список использованной литературы:

1. Свердлов М.Б. От Закона Русского к Русской Правде / М.Б. Свердлов. – М. : Юрид. лит., 1988. – 176 с.
2. Памятники русского права. – М. : Государственное издательство юридической литературы, 1952. – Вып. 1 : Памятники права Киевского государства. X–XII вв. / сост. А.А. Зимин ; под ред. С.В. Юшкова. – 1952. – 287 с.
3. Георгиевский Э.В. Убийство в уголовном праве Древней Руси / Э.В. Георгиевский // Сибирский юридический вестник. – 2010. – № 2. – С. 96–106.
4. Уголовное право. Особенная часть: [учебник] / отв. ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамова, Г.П. Новоселов. – М. : ИНФРА. М-НОРМА, 1997. – 768 с.
5. Владимирский-Буданов М.Ф. Хрестоматия по истории русского права / М.Ф. Владимирский-Буданов. – К., 1889. – 736 с.
6. Векленко С.В. Эволюция отечественного уголовного законодательства о виновной ответственности / С.В. Векленко // Вестник ВИ МВД России. – 2009. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-otechestvennogo-ugolovnogo-zakonodatelstva-o-vinovnoy-otvetstvennosti>.
7. Преступная неосторожность (уголовно-правовое и криминологическое исследование) / [И.П. Лановенко, Ф.А. Лопушанский, А.Н. Костенко и др.] ; отв. ред. И.П. Лановенко, Ф.А. Лопушанский ; АН Украины, Ин-т государства и права им. В.М. Корецкого. – К. : Наук. думка, 1992. – 220 с.
8. Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Первого // Россия. Законы и

постановления. – 1916. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/17827#page/50/mode/inspect/zoom/6>.

9. Уголовное уложение, Высочайше утвержденное 22 марта 1903 года. – 1903. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.knigafund.ru/books/18301/read#page114>.

10. Кистяковский А.Ф. Элементарный учебник общего уголовного права с подробным изложением начал русского уголовного законодательства. Часть общая / А.Ф. Кистяковского. – 2-е испр. и значит. доп. изд. – К. : Тип. И. и А. Давиденко, 1882. – 972 с.

11. Собрание узаконений и распоряжений Правительства за 1919 г. – М. : Управление делами Совнаркома СССР, 1943 – 591 с.

12. Зубрицкий М.И. Загальна характеристика появи та розвитку законодавства про злочини проти життя / М.И. Зубрицкий [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.nbu.gov.ua/old_jm/soc_gum/dip/2011_53/08_05.pdf.

13. Бабичев С.А. Законодательство России о преступлениях против жизни в советский период / С.А. Бабичев // Вестник ЧелГУ. – 2006. – № 2. – С. 79–81.

14. Дагель П.С. Неосторожная преступность и ее общественная опасность в условиях научно-технической революции / П.С. Дагель // Проблемы борьбы с преступной неосторожностью в условиях научно-технической революции. – 1976. – С. 6–18.

15. Антонян Ю.М. Психология убийства / Ю.М. Антонян. – М. : Юристъ, 1997. – 304 с.

16. Пионтковский А.А. Курс советского уголовного права: Преступление : в 6 т. / А.А. Пионтковский ; редкол: А.А. Пионтковский, П.С. Ромашкин, В.М. Чиквадзе. – М. : Наука, 1970. – Т. 2 : Часть общая. – 1970. – 516 с.

17. Анианц М.К. Ответственность за преступления против жизни по действующему законодательству союзных республик / М.К. Анианц. – М. : Юрид. лит., 1964. – 212 с.

18. Жижиленко А.А. Преступления против личности / А.А. Жижиленко. – М – Л. : Государственное издательство, 1927. – 141 с.

19. Шаргородский М.Д. Преступления против жизни и здоровья / М.Д. Шаргородский. – М. : Юрид. изд. во МЮ СССР, 1947. – 511 с.

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ПРОМЫШЛЕННОГО САДОВОДСТВА В УКРАИНЕ

Василий ПОЛИЩУК,

аспирант кафедры земельного и аграрного права
Киевского национального университета имени Тараса Шевченко

Summary

The article studies the legal nature of the legal regime of industrial gardening in Ukraine. We have analyzed scientific works in the field of agricultural economics and research in agricultural law. We have investigated the laws that regulate certain issues in industrial horticulture Ukraine. It was found that in the current legislation of Ukraine and agrarian law doctrine in Ukraine there is no concept of industrial gardening, therefore, proposed to the author's definition of industrial gardening.

Key words: industrial horticulture, legal regime, legislative support, sectoral program, research.

Аннотация

В статье проведено исследование юридической природы правового режима промышленного садоводства в Украине. Совершен анализ научных работ в области аграрной экономики и научных исследований в области аграрного права. Исследованы законодательные акты, которые регулируют отдельные вопросы в промышленном садоводстве Украины. Установлено, что в действующем законодательстве Украины, а также в доктрине аграрного права Украины отсутствует понятие промышленного садоводства, в связи с чем предлагается авторское определение промышленного садоводства.

Ключевые слова: промышленное садоводство, правовой режим, законодательное обеспечение, отраслевая программа, исследование.

Постановка проблемы. Садоводство является одной из традиционных сельскохозяйственных отраслей Украины, развитие которой основывается, прежде всего, на достаточно благоприятных почвенно-климатических условиях для выращивания большинства плодовых и ягодных культур, традициях населения, его больших личных потребностях в ценных продуктах питания, а отрасли переработки – в сырье.

В связи с изменением социально-экономических и правовых условий хозяйствования, проведением аграрной и земельной реформы, вступлением Украины во Всемирную торговую организацию и необходимостью адаптации национального земельного и аграрного законодательства с требованиями Европейского Сообщества, перед наукой земельного права стоит задача провести комплексный анализ и тенденций правового обеспечения промышленного садоводства.

В современных рыночных условиях экономики промышленное садоводство стремительно развивается, хотя и без достаточного урегулирования комплекса общественных отношений нормами аграрного, земельного, граждан-

ского, налогового, банковского и иного законодательства, что негативно влияет на развитие отрасли.

Отсутствие исследований данного вопроса в юридической литературе обуславливают необходимость выяснения сущности правового режима осуществления промышленного садоводства в Украине.

Актуальность темы. По состоянию на 1 сентября 2015 года, по информации Государственной службы статистики Украины, валовой сбор плодов и ягод во всех категориях хозяйств составил 947,2 тыс. тонн, в сельскохозяйственных предприятиях – 33,3 тыс. тонн. В то же время сбор поздних сортов яблок, груш и айвы, которые составляют основную часть валового производства плодовой продукции, только набирает темпы. В сельхозпредприятиях собрано 52,9 тыс. тонн плодов и ягод, из которых семечковых – 33,8 тыс. тонн, косточковых (сливы, персики, абрикосы, вишни, черешни) – 12,1 тыс. тонн, ягодных – 7 тыс. тонн. Согласно научно обоснованным нормам, разработанным Украинским НИИ питания, каждый гражданин должен потреблять плодов и ягод около 76–78 кг в год, а потребляет около 60% от этой нормы [1].